

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКОЙ МАГНИТНОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ МОНОКРИСТАЛЛОВ CuO , $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$ и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ МЕТОДОМ ЭПР

В. А. Рыжов*, А. В. Лазута, И. А. Киселев, И. Д. Лузянин

*Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова Российской академии наук
188350, Гатчина, Ленинградская обл., Россия*

Т. И. Арбузова**

*Институт физики металлов Уральского отделения Российской академии наук
620219, Екатеринбург, Россия*

Поступила в редакцию 27 июля 1999 г.

Представлены результаты изучения динамической магнитной восприимчивости монокристаллов CuO , $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$ ($x \approx 1.5\%$) и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ ($x \approx 1\%$). При комнатной температуре исследована ориентационная зависимость спектров ЭПР. Результаты для CuO анализируются в рамках модели квазиодномерного антиферромагнетика ($S = 1/2$) с анизотропным обменным взаимодействием между спинами Cu^{2+} в цепочках и обменной связью между цепочками при учете одномерной спиновой диффузии и спиновых возбуждений. Полученная оценка ширины линии согласуется по порядку величины с экспериментальными данными. Замещение Cu на Zn почти не меняет спиновую динамику ионов Cu^{2+} , как это происходит в слаборазбавленных магнетиках. Допирование литием значительно увеличивает ширину линии ЭПР, что связывается с образованием избыточными дырками быстро релаксирующих спиновых комплексов с ионами меди.

PACS: 75.40.Gb, 76.30.-v, 75.90.+w

1. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к исследованию CuO обусловлен тем, что электронные и магнитные свойства этого соединения сходны со свойствами известных недопированных оксокупратов, таких как La_2CuO_4 . Подобие свойств является следствием электронного состояния Cu^{2+} ($S = 1/2$) и эквивалентной кислородной координации меди (четыре атома кислорода, образующие слабоискаженный квадрат). Оксид меди относится к изоляторам (полупроводникам) с переносом заряда [1]. Из транспортных свойств отметим малую подвижность носителей и активационный характер дырочной проводимости [2, 3].

Антиферромагнитный полупроводник CuO имеет моноклинную кристаллическую решетку. В области от $T_{N1} \approx 230$ К до $T_{N2} \approx 212$ К наблюдается геликоидальное магнитное упорядочение, которое при $T < T_{N2}$ сменяется коллинеарной антиферромагнитной структурой с ориентацией спинов вдоль оси b кристалла [4, 5]. Особенностью магнитных взаимо-

действий в CuO является наличие цепочек вдоль направления $[\bar{1}01]$ с углом связи ($\text{Cu}-\text{O}-\text{Cu}$) $\varphi \approx 146^\circ$, обеспечивающим сильный антиферромагнитный обмен $J \approx 800$ К. Углы связи в других направлениях близки к 100° , что приводит к существенно более слабому ферромагнитному обмену $V \approx J/20$ между цепочками [6]. В результате CuO обнаруживает при $T > T_{N1}$ поведение характерное для низкоразмерных магнетиков: широкий максимум $\chi(T)$ при $T \approx 540$ К [7, 8] и доминирующий характер антиферромагнитных флуктуаций вдоль направления цепочек [9].

Магнитный резонанс основной фазы CuO исследовался в одной работе на порошковом образце [10]. Полуширина линии $\Delta H_{1/2} \approx 8$ кЭ слабо зависела от температуры при $T_{N1} \leq T \leq 430$ К. Отклонение формы линии от лоренцевой на крыле, $H - H_f \geq 2\Delta H_{1/2}$ ($f \approx 45$ ГГц), интерпретировалось как проявление одномерных эффектов. Однако, как мы увидим, этот вывод нельзя считать окончательным.

Следует подчеркнуть, что в родоначальниках ВТСП-соединений (недопированных купратах), сиг-

*E-mail: ryzhov@omrb.pnpi.spb.ru

**E-mail: magsemi@ifm.e-burg.su

нал ЭПР не наблюдается [11]. Причины этого явления не вполне ясны, так как оценки скоростей релаксации однородной намагниченности, например в La_2CuO_4 , основанные на известных величинах анизотропных и изотропных обменных взаимодействий, приводят к вполне наблюдаемым ширинам [12]. Возможный дополнительный канал релаксации — модуляция фононами анизотропного взаимодействия Дзялошинского—Мория, что может существенно уширить линию ЭПР при высоких температурах [13]. В этом отношении доступность резонансного исследования CuO делает его достаточно уникальным соединением в классе оксидов меди.

Интересной является возможность допирования CuO литием до 4% («зарядовое» допирование). В соединении $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ ионы Li^+ , замещая Cu^{2+} , вводят дополнительные дырки в матрицу CuO , что приводит к увеличению проводимости, не меняя ее полупроводникового характера [3]. Допирование вызывает некоторое понижение T_N до значения $T_N \approx 183$ К при $x = 3.7\%$ [14, 15]. По данным ядерного квадрупольного резонанса и ЯМР не обнаружено влияния такого замещения на спиновую динамику Cu^{2+} в парамагнитной фазе. Существенные изменения происходят в антиферромагнитной области, где в допированных образцах наблюдается сильный максимум в температурной зависимости скорости ядерной спиновой релаксации, обусловленный локализацией избыточных дырок [14]. Отметим, что аналогичные качественные особенности обнаружены в поведении допированного литием купрата La_2CuO_4 [16]. В CuO также возможно замещение Cu атомами Zn . Ион Zn^{2+} имеет $S = 0$, так что такое «спиновое» допирование эквивалентно появлению вакансий в антиферромагнитной матрице. В антиферромагнетике La_2CuO_4 данное замещение приводило к эффектам, характерным для поведения разбавленного магнетика. Исключение составляла область низких температур $T < 100$ К, где в спектрах ядерного квадрупольного резонанса наблюдались особенности, интерпретируемые как кооперативное замерзание локальных магнитных моментов, индуцируемых цинком на орбиталях Cu [17]. В CuO изучалось влияние допирования цинком только на статическую магнитную восприимчивость [15].

В данной работе выполнены резонансные исследования монокристаллов CuO , $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$ ($x \approx 1.5\%$) и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ ($x \approx 1\%$) при комнатной температуре. Изучены ориентационные зависимости спектров, которые с хорошей точностью описывались формулой Лоренца в CuO , несколько хуже в оксиде меди, допированном цинком и удовлетворительно при допировании литием. Показано, что особенностью CuO , которая приводит к

лоренцевой линии, несмотря на квазиодномерный характер магнетика, является достаточно сильная межцепочечная связь. Определены скорости спиновой релаксации и значения g -факторов. Эти результаты являются основой для исследования влияния допирования на спиновую динамику CuO .

2. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА И РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследовался монокристалл CuO , взятый из одной партии с ранее изучавшимися в работе [8]. По рентгеновским данным кристалл является однофазным и имеет моноклинную структуру $C2/c$. Параметры решеток и статическая восприимчивость кристалла соответствуют приведенным в [8]. Масса кристалла 35.7 мг, размеры приблизительно $1 \times 2 \times 4.2$ мм³. Параметры решетки и статическая восприимчивость двух других образцов $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ ($x = 1\%$, $m \approx 6.4$ мг, $1 \times 1 \times 2$ мм³) и $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$ ($x = 1.5\text{--}2\%$, $m \approx 4.8$ мг, $1 \times 1.2 \times 1.5$ мм³) соответствуют описанным в работе [15]. Все монокристаллы имели форму призмы с параллелограммом в поперечном сечении, ось c направлена вдоль ее длинного ребра.

Динамическая магнитная восприимчивость образцов исследовалась методом ЭПР. Была получена ориентационная зависимость восприимчивости при комнатной температуре. В экспериментах использовался спектрометр X -диапазона ($f \approx 8.37$ ГГц), разработанный для регистрации широких дипольных магнитных переходов и холловской проводимости на данной частоте [18]. Основные особенности спектрометра, позволяющие наблюдать широкие линии ЭПР, можно суммировать следующим образом.

1. В спектрометре используется цилиндрический двухмодовый балансный резонатор с типом колебаний TE_{111} [19]. Статическое магнитное поле $\mathbf{H}$ направлено по оси цилиндра (ось z). Исследуемый образец помещается на торце резонатора. На него действует линейно поляризованное переменное поле $\mathbf{h}(t)$ (ось x), перпендикулярное $\mathbf{H}$. Плоскость приема (ось y) перпендикулярна плоскости возбуждения, и получаемый сигнал $M_y = \chi_{yx}h(t)$ пропорционален χ_{yx} — недиагональному элементу тензора магнитной восприимчивости, т. е. регистрируется поворот плоскости поляризации СВЧ-колебаний в резонаторе. В таком резонаторе при условии его вырождения по частоте (независимость частоты его собственных колебаний от поворота плоскости их поляризации) достигается глубокая частотно-независимая развязка (≥ 40 дВ) моды приема от моды возбуждения. Это позволяет использовать СВЧ-генератор с большой колебательной мощно-

стью ($P \approx 1$ Вт) без проявления его частотных и амплитудных шумов на входе приемника и тем самым повысить чувствительность спектрометра (в условиях далеких от насыщения $\chi_{min} \propto P^{-1/2}$ [20, 21]) по сравнению с традиционным (мощность клистрона ≤ 50 мВт).

2. В спектрометре используется периодическая развертка статического магнитного поля и синхронное с ней накопление сигнала. Большая амплитуда развертки обеспечивает прохождение области максимума линии ЭПР и позволяет регистрировать сигнал максимально возможной величины при каждом сканировании поля.

Напомним, что в традиционном спектрометре с модуляцией статического магнитного поля регистрируется или первая производная линии ЭПР, или ее вторая производная (при использовании двойной модуляции). Оптимальное отношение сигнал/шум (максимум величины производной) достигается в условиях приблизительного равенства амплитуды модуляции полуширине линии ЭПР [20, 21]. В случае широких линий это условие не выполняется, что приводит к потере чувствительности.

Следует остановиться еще на одном важном обстоятельстве. При существующей геометрии полей в цилиндрическом резонаторе с типом колебаний TE_{111} со сдвинутыми на 90° модами возбуждения и приема к повороту плоскости поляризации отраженной электромагнитной волны приводит также эффект Керра на проводящих основаниях резонатора [18, 22]. Действительно, поскольку поле $\mathbf{H}$, направленное по оси резонатора, перпендикулярно СВЧ-токам моды возбуждения, текущим по его торцам, на торцах появятся холловский СВЧ-ток, повернутый на 90° относительно токов моды возбуждения и дающий сигнал, линейно зависящий от величины H . Такой сигнал действительно наблюдался в эксперименте, причем его величина согласовалась с теоретической оценкой [18]. Соответственно, для определения отклика образца необходимо вычитать сигнал от материала резонатора. Для вычисления нужного при вычитании весового множителя использовался образец-свидетель — поликристаллический нитроксильный радикал ($g = 2.0055$, $\Delta H \approx 40$ Э), содержащий известное количество спинов. Точность вычитания сигнала от резонатора коррелирует с точностью вычитания сигнала свидетеля. Он практически отсутствует на разностных спектрах, приведенных ниже на рис. 1–4, что свидетельствует о хорошей точности вычитания. К появлению сигнала, линейно зависящего от статического поля, приводит также эффект Холла в образце, если он является проводящим и в нем присутствуют СВЧ-токи.

Важной особенностью исследуемых соединений является большая величина их диэлектрической проницаемости на используемой частоте; так, $\varepsilon \approx 10$ в CuO для $f = 9$ ГГц [2]. При этом длина волны поля внутри образца оказывается близкой к его размерам. Кроме того, из-за электропроводности образца величина ε соизмерима с $4\pi\sigma/\omega$. Эти два обстоятельства могут приводить к заметному отланию фазы переменного магнитного поля внутри образца от фазы поля вне образца, что необходимо учитывать при количественном анализе. Особенно важен этот вопрос в случае широких, фактически нерезонансных линий (скорость спиновой релаксации $\Gamma > 2\pi f$), когда из-за слабого различия H -зависимостей $\text{Re } \chi_{yx}(\omega, H)$ и $\text{Im } \chi_{yx}(\omega, H)$ практически невозможно настроиться на регистрацию одной из составляющих спектра по форме сигнала, и для настройки используется сигнал свидетеля. Рассмотрим его подробнее.

Величина волнового вектора в среде

$$k_i = \frac{\omega\sqrt{\varepsilon}}{c} \sqrt{1 + i \frac{4\pi\sigma}{\varepsilon\omega}}$$

Для $\varepsilon \approx 10$ и $\sigma = 10^{-2}$ Ом $^{-1}$ ·см $^{-1}$, соответствующих CuO при $T = 300$ К [2], для $f = 8.34$ ГГц имеем

$$k_i = \frac{1}{0.18} \sqrt{1 + 0.22i} \text{ см}^{-1}.$$

Считалось, что магнитная проницаемость $\mu \approx 1$, поскольку восприимчивость CuO мала, $4\pi\chi \sim 10^{-3}$ [8]. В образце с $l \geq |k_i|^{-1} \approx 2$ мм (этот масштаб близок к размерам исследуемого кристалла $l \approx 2\text{--}4$ мм) магнитное поле распределено неоднородно и приобретает фазовый сдвиг по отношению к внешнему полю из-за комплексности k_i . Зная распределение поля $\mathbf{h}(\mathbf{r})$, можно найти индуцируемую им намагниченность, которая, в силу малости восприимчивости, в первом порядке по χ_{ij} равна

$$m_i(\mathbf{r}, \omega) = \chi_{ij}(\omega) h_j(\mathbf{r}, \omega).$$

Здесь используется не зависящий от $\mathbf{r}$ однородный предел для χ_{ij} среды, так как размер магнитных неоднородностей в системе, связанный, например, с корреляционным радиусом спиновых флуктуаций, пренебрежимо мал по сравнению с макроскопическим масштабом $|k_i|^{-1}$ изменения поля. Из сравнения с результатом для однородного поля ясно, что эффективное поле $\mathbf{h}^*$, определяющее намагниченность образца, имеет вид

$$\mathbf{h}^*(\omega) = \sum_{\mathbf{r}} \mathbf{h}(\mathbf{r}, \omega) V_0^{-1},$$

где V_0 — объем образца.

Для количественных оценок определим $\mathbf{h}^*$ для шарика радиуса a , находящегося в переменном внешнем магнитном поле в условиях, когда $\lambda \gg a$, но $|k_i|a \sim 1$. Распределение поля в этом случае известно [23], и для $\mathbf{h}^* \parallel \mathbf{h}$ (очевидное следствие симметрии) находим

$$h^*(k_i a) = \frac{3}{(k_i a)^2} [1 - (k_i a) \operatorname{ctg}(k_i a)] h.$$

В однородном пределе, $|k_i|a \ll 1$, имеем $h^* = h$, тогда как при $|k_i|a \geq 1$ в зависимости $h^*(k_i a)$ появляются резонансные особенности, обусловленные дифракцией на шарике. Используя определенный выше волновой вектор $k_i = k'_i + ik''_i$ ($k'_i \approx 5.6 \text{ см}^{-1}$, $k''_i/k'_i \approx 0.1$), для первого резонанса, $k'_i a = \pi/2$, который возможен при $a \geq 0.28 \text{ см}$, получаем $\operatorname{Im} h^*/\operatorname{Re} h^* \simeq 0.25$. Эта оценка определяет порядок величины сдвига фазы внутреннего поля, который можно ожидать для образца с $k'_i l \sim 1$.

В эксперименте фаза опорного напряжения устанавливалась так, что регистрировалась компонента сигнала свидетеля, пропорциональная $\operatorname{Re} \chi_{yx}(\omega, H)$. Для вычисления истинной фазы магнитного поля внутри образца в качестве внутреннего свидетеля использовался слабый сигнал от одиночных центров Cu^{2+} , который, как видно из приведенных ниже рис. 1–3, присутствовал в спектрах CuO и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$. Одиночные центры в монокристаллах CuO , дающие вклад в статическую восприимчивость при низких температурах, исследовались методом ЭПР ранее [24]. Вычисленная таким образом фаза переменного поля внутри образца отличалась от значения $\varphi = 0$, соответствующего сигналу пропорциональному $\operatorname{Re} \chi_{yx}$. В результате отклик являлся смесью $\operatorname{Re} \chi_{yx}$ и $\operatorname{Im} \chi_{yx}$ с весами соответственно $\cos \varphi$ и $\sin \varphi$. Именно этот эффект приводил к гораздо более сильному отличию формы линии от лоренцевой при $H < \omega_r$ по сравнению с областью $H > \omega_r$, зарегистрированному в работе [10] и отнесенному к влиянию анизотропии g -фактора. Анализ показывает, что небольшая дисперсия позволяет описать наблюдаемый в этой работе спектр во всем диапазоне изменения статического поля, оставаясь в рамках лоренцевой формы.

В экспериментах одна из кристаллических осей образца ориентировалась вдоль статического поля $\mathbf{H}$, две другие оси поочередно ориентировались вдоль переменного поля $\mathbf{h}(t)$. Таким образом, при ориентации каждой из осей кристалла параллельно статическому полю регистрировались два спектра (всего шесть спектров). Для устранения возможной примеси к сигналу симметричной компоненты тензора восприимчивости $\chi_{xx} \propto H^2$ использовалась нечетность $\chi_{yx}(\omega, H)$ по H : спектры исследуемых

образцов записывались также для инверсной ориентации статического поля $\mathbf{H}$, а затем вычитались из спектров, полученных для «прямой» ориентации $\mathbf{H}$. Чувствительность спектрометра достаточна для наблюдения сигнала от газообразного кислорода воздуха, содержащегося в резонаторе [18], поэтому все спектры снимались в условиях продувания резонатора газообразным аргоном или азотом.

На рис. 1–4 представлены спектры исследуемых образцов, полученные путем вычитания сигнала, обусловленного эффектом Холла в материале резонатора. На рис. 1 приведены сигналы от монокристалла CuO , ось $\mathbf{b}$ которого ориентирована вдоль статического поля $\mathbf{H}$, в случаях $\mathbf{a} \parallel \mathbf{h}(t)$ и $\mathbf{c} \parallel \mathbf{h}(t)$. Там же приведены теоретические спектры, полученные в результате подгонки к экспериментальным (процедура будет описана ниже). На рис. 2 приведены спектры для CuO и результат аппроксимации для другой ориентации кристалла относительно статического поля, $\mathbf{c} \parallel \mathbf{H}$. На рис. 3 и 4 представлены экспериментальные и теоретические спектры для монокристаллов соответственно $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$ и $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$. Ориентация кристаллов такая же, как для CuO на рис. 1. Подобные спектры были получены и при других ориентациях образцов. Параметры спектров, определенные в результате подгонки, приведены в подписях к рисункам.

3. ОБСУЖДЕНИЕ

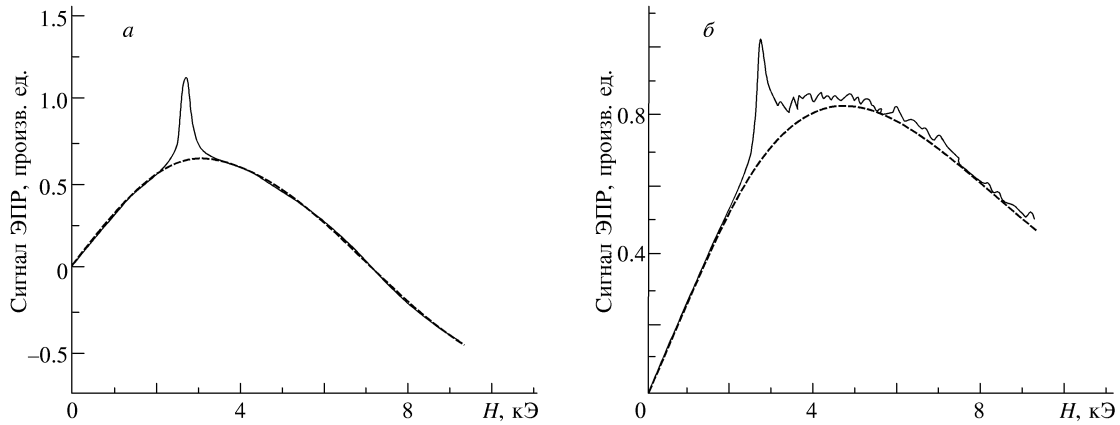
Рассмотрим динамическую восприимчивость анизотропного магнетика. Выражение для его поперечной по отношению к $\mathbf{H}$ динамической восприимчивости, справедливое в интервале изменения H от $H = 0$ до $g\mu H \gg \Gamma$, можно найти, используя результаты работы [25]. Поля удобно направить вдоль главных осей ($\mathbf{a}$, $\mathbf{b}$, $\mathbf{c}$) тензора $\hat{\chi}$. Уравнения для намагниченности $\mathbf{m}(t)$, индуцированной линейно поляризованным переменным полем $\mathbf{h}(t)$ в случае $\mathbf{H} \parallel \mathbf{a}$ и $\mathbf{h} \parallel \mathbf{b}$ (с очевидной заменой индексов для других ориентаций) имеют вид

$$\frac{\partial m_b(t)}{\partial t} = i\omega_{bc} m_c(t) - \Gamma_b [m_b(t) - \chi_b h(t)], \quad (1)$$

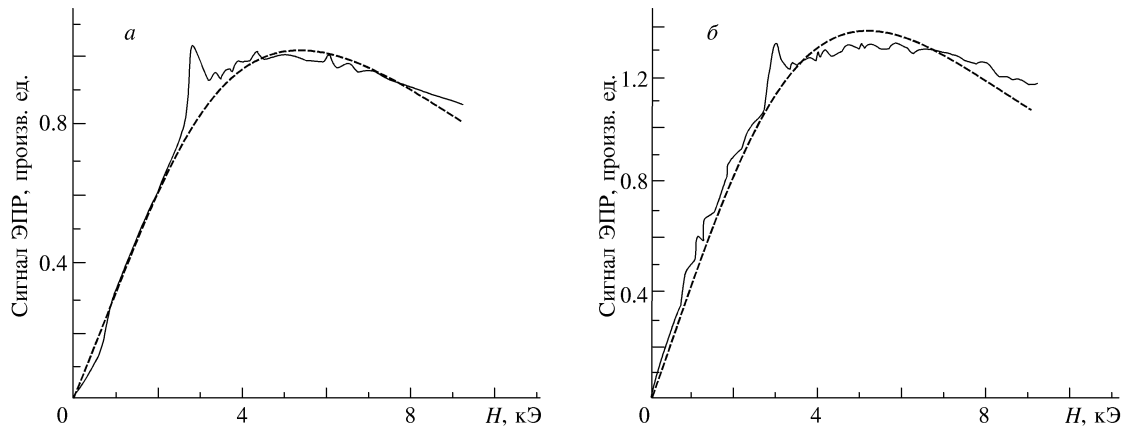
$$\frac{\partial m_c(t)}{\partial t} = i\omega_{cb} m_b(t) - \Gamma_c m_c(t) - M_a \mu \frac{g_b g_c}{g_a} h(t), \quad (2)$$

$$\omega_{cb} = -i\mu g_b g_c M_a (g_a \chi_b)^{-1}, \quad \omega_{bc} = -\omega_{cb} \chi_b \chi_c^{-1}. \quad (3)$$

Здесь M_a и χ_b — статические намагниченность и восприимчивость; Γ_a , Γ_b — скорости спиновой релаксации; g_i — g -факторы; индексы соответствуют

Рис. 1. Экспериментальные (сплошная кривая) и теоретические (штрихи) спектры ЭПР монокристалла CuO ($T = 300$ К, $\mathbf{H} \parallel \mathbf{b}$): $a - \mathbf{h} \parallel \mathbf{a}$; $b - \mathbf{h} \parallel \mathbf{c}$. Аппроксимация описана в тексте. Получены следующие параметры спектров: $g = 1.85 \pm 0.16$; $\Gamma_1 = 4.83 \pm 1.50$ кЭ; $\Gamma_2 = 5.05 \pm 1.50$ кЭ. Сдвиги фазы определены из сигналов одиночных центров Cu^{2+} (пики на рисунках): $\varphi_1 = -6^\circ \pm 10^\circ$; $\varphi_2 = 30^\circ \pm 11^\circ$. Угловые коэффициенты прямой, обусловленной вкладом в сигнал эффекта Холла: $k_1^{Hall} = -0.87 \pm 0.03$; $k_2^{Hall} = -0.28 \pm 0.01$

Рис. 2. То же, что на рис. 1, при $\mathbf{H} \parallel \mathbf{c}$: $a - \mathbf{h} \parallel \mathbf{a}$; $b - \mathbf{h} \parallel \mathbf{b}$. Полученные параметры: $g = 2.20 \pm 0.15$; $\Gamma_1 = 7.20 \pm 1.45$ кЭ; $\Gamma_2 = 7.15 \pm 1.45$ кЭ; $\varphi_1 = 23^\circ \pm 10^\circ$; $\varphi_2 = 19.2^\circ \pm 9.4^\circ$; $k_1^{Hall} = 0.00 \pm 0.01$; $k_2^{Hall} = 0.00 \pm 0.01$

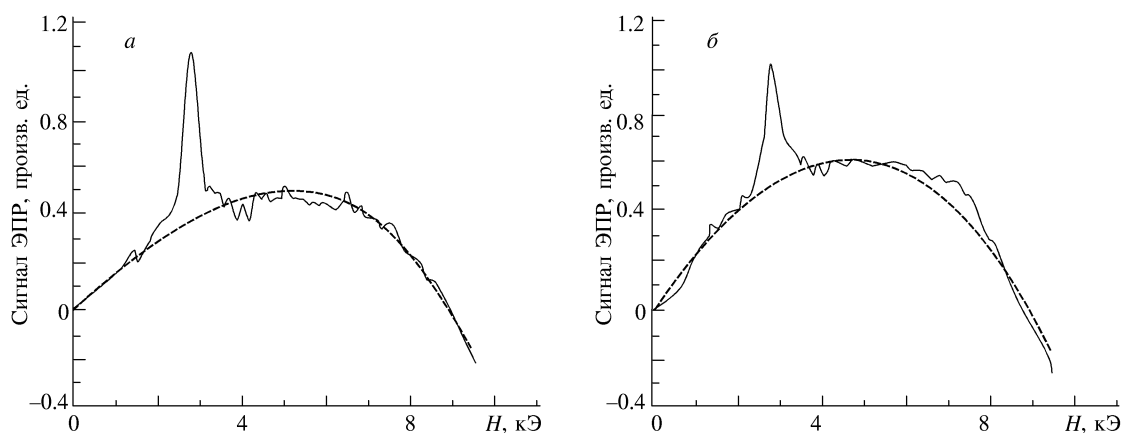
осям $\hat{\chi}$. «Релаксационное» слагаемое в уравнении (1) существенно влияет на зависимость $\hat{\chi}(\omega)$ от H в случае широких линий ($\omega \sim \Gamma_i$). Его вид диктуется известным выражением для $\hat{\chi}(\omega, H)$ изотропного магнетика и формулой для анизотропной ситуации при $H = 0$. Из уравнений (1), (2) находим выражение для $\chi_{cb}(\omega, H)$, определяющее $m_c(t)$ для $h(t) \propto \exp(-i\omega t)$:

$$\chi_{cb}(\omega, H) = -\chi_{cb}(\omega, -H) = -i\omega M_a \mu \frac{g_b g_c}{g_a} \times [\omega^2 - \Omega_a^2(H) + i\omega(\Gamma_b + \Gamma_c) - \Gamma_b \Gamma_c]^{-1}, \quad (4)$$

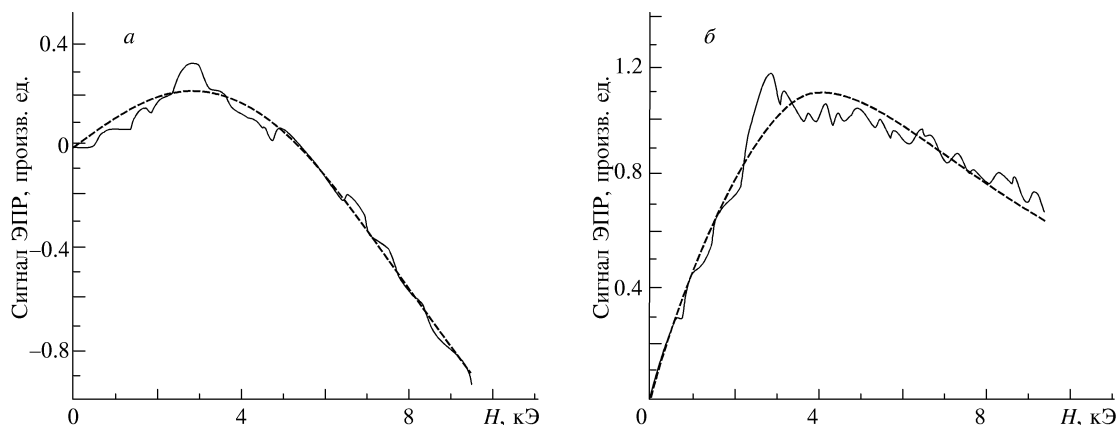
$$\Omega_a^2 = \omega_{cb} \omega_{bc} = \left(\mu \frac{g_b g_c}{g_a} \right)^2 \frac{M_a^2}{\chi_b \chi_c}. \quad (5)$$

В CuO небольшая анизотропия χ при комнатной температуре скорее всего связана с анизотропией g -фактора [26, 27], так что $\hat{\chi} = \chi_i/g_i^2$ не будет зависеть от ориентаций. В условиях эксперимента $M \propto H$, и формула (5) упрощается: $M_a = \chi_a H$, $\Omega_a = g_a \mu H$. Последнее соотношение существенно облегчает определение значений g -факторов. Полученные выражения использовались при аппроксимации экспериментальных спектров.

Приведенные формулы для отклика при $\mathbf{H} \parallel \mathbf{a}$ показывают, что в прецессию вовлекаются компоненты намагниченности вдоль $\mathbf{b}$ и $\mathbf{c}$. Поэтому аппроксимация проводилась одновременно для двух спектров, полученных при фиксированной ориентации $\mathbf{H}$ и переменном поле, поочередно направляе-

Рис. 3. То же, что на рис. 1 для монокристалла $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$. Полученные параметры: $g = 2.20 \pm 0.15$; $\Gamma_1 = 13.7 \pm 1.5$ кЭ; $\Gamma_2 = 15.24 \pm 1.80$ кЭ; $\varphi_1 = 12.7^\circ \pm 9.4^\circ$; $\varphi_2 = 13.6^\circ \pm 9.1^\circ$; $k_1^{\text{Hall}} = -0.033 \pm 0.030$; $k_2^{\text{Hall}} = -2.85 \pm 0.06$

Рис. 4. То же, что на рис. 1 для монокристалла $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$. Полученные параметры: $g = 2.20 \pm 0.15$; $\Gamma_1 = 5.27 \pm 1.50$ кЭ; $\Gamma_2 = 5.24 \pm 1.50$ кЭ; $k_1^{\text{Hall}} = 0.00 \pm 0.02$; $k_2^{\text{Hall}} = -1.66 \pm 0.06$. Сдвиги фазы определены вместе с другими параметрами при подгонке: $\varphi_1 = 46.4^\circ \pm 6.5^\circ$; $\varphi_2 = 21^\circ \pm 10^\circ$

мом вдоль двух других осей. При этом, как уже указывалось, учитывался сдвиг фазы φ переменного поля внутри образца по отношению к фазе поля вне образца, что приводит к появлению примеси компоненты $\text{Im } \chi_{yx}$ с весом $\sin \varphi$ к сигналу $\text{Re } \chi_{yx}$, взятому с весом $\cos \varphi$. Для кристаллов CuO и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x$ этот фазовый сдвиг определялся по сигналу от одиночных центров Cu^{2+} , присутствовавшему в спектрах, и учитывался как фиксированный параметр. Для $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$, где такой сигнал, как видно из рис. 4, не наблюдался, фазовый сдвиг являлся подгоночным параметром. Значения фазового сдвига φ зависели от ориентации кристалла и при аппроксимации двух спектров соответственно определялись два значения, φ_1 и φ_2 .

В теоретический спектр при подгонке добавлялся также линейный по полю H вклад, обусловлен-

ный эффектом Холла в образце, который для каждого из двух обрабатываемых спектров записывался в виде $k_j^{\text{Hall}} H / H_{\text{max}}$, где $j = 1, 2$ и H_{max} — максимальная величина статического поля, достигаемая в эксперименте. Полученные значения скоростей спиновой релаксации для каждой пары спектров являются неразличимыми, поскольку входят симметрично в выражение (4) (мы обозначаем их Γ_1 и Γ_2). Кроме того, их величины практически совпадали при фиксированной ориентации $\mathbf{H}$. Эти два фактора затрудняли определение Γ_i ($i = a, b, c$) из простого сравнения скоростей при разных ориентациях поля. В таких условиях эффективным оказался переход к величинам $\Gamma_{ik} = (\Gamma_i + \Gamma_k)/2$ для каждой ориентации внешнего поля, из которых и удалось определить значения Γ_i для CuO :

$$\Gamma_c = 4.0 \pm 1.5 \text{ кЭ}, \quad \Gamma_a = 6.0 \pm 1.5 \text{ кЭ},$$

$$\Gamma_b = 8.5 \pm 1.5 \text{ кЭ},$$

для $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$:

$$\Gamma_c = 3.5 \pm 1.6 \text{ кЭ}, \quad \Gamma_a = 7.0 \pm 1.5 \text{ кЭ},$$

$$\Gamma_b = 8.0 \pm 1.5 \text{ кЭ},$$

для $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$:

$$\Gamma_c = 17.5 \pm 3.0 \text{ кЭ}, \quad \Gamma_a = 11.0 \pm 3.0 \text{ кЭ},$$

$$\Gamma_b = 5.0 \pm 3.0 \text{ кЭ}.$$

Из этих результатов видно, что для CuO выполняется соотношение $\Gamma_a \approx \Gamma_c < \Gamma_b$. Приведем также значения g -факторов, найденные в результате подгонки для CuO :

$$g_a = 2.26 \pm 0.14, \quad g_c = 2.20 \pm 0.15, \quad g_b = 1.85 \pm 0.16,$$

для $\text{Cu}_{1-x}\text{Zn}_x\text{O}$ и $\text{Cu}_{1-x}\text{Li}_x\text{O}$:

$$g_a \approx g_b \approx g_c = 2.20 \pm 0.15.$$

Отметим, что вычисленные из полученных для CuO данных средние значения g -фактора и скорости спиновой релаксации согласуются с полученными в работе [10].

Анализируя спиновую динамику CuO в однородном пределе, следует учитывать квазиодномерный характер этого антиферромагнетика при $T = 300$ К. Трехмерное критическое поведение, обусловленное межцепочечным изотропным обменом $V \approx J/20 \approx 40$ К, наблюдается в парамагнитной фазе при меньших температурах в интервале $T_N = 230 \text{ К} \leq T \leq 250 \text{ К}$ [14]. Релаксация однородной намагниченности в CuO определяется достаточно сильной анизотропией обменного взаимодействия в цепочках, $J^{an} \approx 10$ К [5]. Несмотря на то что $J^{an} \ll J$, это взаимодействие, вообще говоря, нельзя рассматривать по теории возмущений в одномерных магнетиках. Однако в CuO достаточно сильная связь между цепочками, $V > J^{an}$, ограничивает область чисто одномерного поведения. После адекватного учета данного взаимодействия можно использовать теорию возмущений по J_{an} для определения низкочастотной динамики. Подчеркнем, что нам необходимо установить влияние V на динамику флуктуаций, существенное и при $T \gg J$, а не на статическое поведение. Последнее можно сделать в первом приближении в рамках теории среднего поля [28].

Перед тем как анализировать этот вопрос, остановимся на характере динамики одномерного изотропного антиферромагнетика со спином $S = 1/2$. В этом магнетике при $T < J$ имеются две области с разным динамическим поведением: гидродинамическая, где импульс вдоль цепочки $q_{\parallel} a_{\parallel} \ll 1$ ($a_{\parallel}$ — расстояние между спинами в цепочке), и область антиферромагнитных флуктуаций в окрестности импульса $Q = \pi/a_{\parallel}$ [29, 30]. С теоретической точки зрения, вопрос о типе гидродинамических возбуждений при $T \neq 0$ остается открытым. Метод, использующий фермионное представление для спиновых операторов с линеаризованным спектром и последующей бозонизацией, при $T \ll J$ приводит к распространяющейся гидродинамической моде с не зависящим от T линейным спектром [30, 31]. Данный вывод, очевидно, не соответствует традиционному предположению о существовании спиновой диффузии. С другой стороны, результат анализа, основанного на анзаце Бете, совместим с такой гипотезой [32]. Последние работы, использующие численные методы, также дают противоречивые результаты. Расчеты [33, 34] свидетельствуют в пользу существования диффузионной моды, тогда как в работе [35] сделан вывод о более сложном поведении. В то же время данные ЯМР и ЭПР надежно подтверждают существование спиновой диффузии в одномерных антиферромагнетиках с полуполым спином, например, в Sr_2CuO_3 ($S = 1/2$) [36] и $(\text{CH}_3)_4\text{NMnCl}_3$ ($S = 5/2$) [37]. Интересно, что диффузионная мода присутствует и в одномерном антиферромагнетике AgVP_2S_6 с $S = 1$ [38], где в отличие от одномерных антиферромагнетиков с полуполым спином основное состояние имеет щель. Антиферромагнитные флуктуации описываются спиновыми возбуждениями, для которых известен явный вид парного коррелятора при $T \ll J$ [39], подтвержденный данными по рассеянию нейтронов в одномерном антиферромагнетике KCuF_3 с $S = 1/2$ [40] и ЯМР в Sr_2CuO_3 [36].

Таким образом, анализируя Γ , следует принимать во внимание существование спиновой диффузии, спионных возбуждений и учитывать взаимодействие цепочек. Для определения Γ мы воспользуемся теорией взаимодействующих мод, включающей расщепление четырехспинового коррелятора на произведение парных [37]. Этот подход учитывает простейшие процессы, дающие вклад в Γ . Хотя возможности этого метода применительно к квазиодномерному магнетика не выяснены до конца, он позволяет получить согласующиеся с экспериментом выражения для Γ при $T > J$ в одномерном антиферромагнетике с анизотропией, обусловленной дипольными силами и диффузионной гидродинамикой в

условиях, когда обменная связь между цепочками пренебрежимо мала [37]. Поскольку с увеличением размерности точность данного подхода улучшается, мы ожидаем, что в его рамках можно надежно определить, по крайней мере, порядок величины Γ в случае, когда существенно взаимодействие цепочек. Результат теории возмущений по J_{an} для $\Gamma_i (i = a, b, c)$ имеет вид [41]

$$\Gamma_i = \frac{1}{4} G_0^{-1} \sum_{\mathbf{q}} [J_i^{an}(\mathbf{q}_{\parallel})]^2 \frac{1}{\pi} \int_{-\infty}^{\infty} \left(\frac{\text{Im} G(\mathbf{q}, x)}{\text{sh}(x/2T)} \right)^2 dx. \quad (6)$$

Здесь $(J_i^{an}(\mathbf{q}_{\parallel}))^2 = [J_b(\mathbf{q}_{\parallel}) - J_c(\mathbf{q}_{\parallel})]^2$ для $i = a$ и т. д., $J_j(\mathbf{q}_{\parallel})$ — обменное взаимодействие вдоль оси j в цепочке, $G(\mathbf{q}, x)$ — парная спиновая функция Грина, G_0 — статическая функция Грина при $q = 0$. Величины Γ_i содержат вклады от гидродинамической области (Γ_i^D) и спиновых возбуждений (Γ_i^{sp}):

$$\Gamma_i = \Gamma_i^D + \Gamma_i^{sp}. \quad (7)$$

Рассмотрим сначала Γ_i^D , предполагая существование спиновой диффузии. В одномерном случае вклад в Γ_i от диффузионной моды оказывается сингулярным в области малых импульсов [37]. С этой особенностью связан масштаб обрезания, определяемый взаимодействием, ограничивающим одномерное диффузионное поведение в пределе $q_{\parallel} \rightarrow 0$. В нашем случае это межцепочечная связь. Для учета трехмерных эффектов воспользуемся релаксационным выражением для динамического формфактора G :

$$G(\mathbf{q}, \omega) = i\Gamma(\mathbf{q}) [\omega + i\Gamma(\mathbf{q})]^{-1} G_0, \quad (8)$$

$$\Gamma(\mathbf{q}) = Dq_{\parallel}^2 + \Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp}). \quad (9)$$

Здесь $\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp})$ описывает затухание, обусловленное взаимодействием цепочек, $\mathbf{q}_{\perp}$ — импульс в плоскости ортогональной цепочкам. Используя данное выражение, из (6) при условии $x/T \ll 1$ находим

$$\Gamma_i^D = \left(J_i^{an}(0) \right)^2 G_0 T \sum_{\mathbf{q}_{\perp}} \left(2 \left(\frac{D}{a_{\parallel}} \right)^2 \Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp}) \right)^{-1/2}, \quad (10)$$

где в соответствии с гидродинамическим приближением $J_i^{an}(\mathbf{q}_{\parallel})$ взято при $q_{\parallel} = 0$. При $q_{\perp} a_{\perp} \ll 1$ ($a_{\perp}$ — межцепочечное расстояние) мы ожидаем, что $\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp}) = D_{\perp} q_{\perp}^2$, где $D_{\perp}$ — коэффициент спиновой диффузии в ортогональной цепочкам плоскости. В результате выражение для Γ_i^D оказывается конечным. Для его оценки необходимо найти $\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp})$. Используя процедуру, аналогичную выводу выражения (6), где $\partial S_q^{\alpha} / \partial t$ определяется взаимодействием V , и формулы (8), (9) для G , находим

$$\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp}) = T G_0 \sum_{\mathbf{p}_{\perp}} [V(\mathbf{q}_{\perp} - \mathbf{p}_{\perp}) - V(\mathbf{p}_{\perp})]^2 \times \left(\frac{D}{a_{\parallel}^2} [\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp} - \mathbf{p}_{\perp}) + \Gamma_{\perp}(\mathbf{p}_{\perp})] \right)^{-1/2}. \quad (11)$$

Здесь, как в формулах (8) и (10), в качестве статической функции Грина $G_0(\mathbf{q})$ используется $G_0(0)$, так как при $q_{\parallel} a \ll 1$ эта функция не является критической в области $T \geq T_N$. Из этого уравнения, учитывающего только диффузионный вклад от продольной моды, можно определить величину $\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp})$, которую обозначим $\Gamma_{\perp}^D(\mathbf{q}_{\perp})$. Как мы покажем ниже, влияние спинов на $\Gamma_{\perp}(\mathbf{q}_{\perp})$ не изменит оценку для Γ_i^D , использующую $\Gamma_{\perp}^D(\mathbf{q}_{\perp})$.

Представив $\Gamma_{\perp}^D(\mathbf{q}_{\perp})$ в виде $\Gamma_{\perp}^D(\mathbf{q}_{\perp}) = \Gamma_{\perp}^D f^D(\mathbf{q}_{\perp})$, где $f^D(\mathbf{q}_{\perp})$ — безразмерная функция, из уравнения (11) определяем масштаб $\Gamma_{\perp}^D$:

$$\Gamma_{\perp}^D = V \left(\frac{V}{D/a_{\parallel}^2} \right)^{1/3} (T G_0)^{2/3}. \quad (12)$$

Этот результат позволяет из (10) получить оценку

$$\Gamma_i^D \sim [J_i^{an}(0)]^2 (T G_0)^{2/3} \left(V^{2/3} (D/a_{\parallel}^2)^{1/3} \right)^{-1}. \quad (13)$$

Заметим, что $\Gamma_i^D / \Gamma_{\perp}^D \sim [J_i^{an}(0)/V]^2 \approx 6 \cdot 10^{-2}$. Величина $\Gamma_{\perp}^D$ определяет границу между одномерным и трехмерным динамическим поведением. В однородном пределе функция Грина при $\omega \ll \Gamma_{\perp}^D$ имеет характерный для трехмерной динамики лоренцевский вид с затуханием Γ_i . Рассматривая зависимость $\Gamma_{\perp}^D(\mathbf{q})$ от ω , можно показать, что эта функция убывает с частотой при $\omega \gg \Gamma_{\perp}^D$. В этом режиме динамический формфактор будет определяться одномерной динамикой. В результате в этой области частот и магнитных полей в спектре ЭПР может наблюдаться характерное для одномерного магнетика отклонение от лоренцевской формы линии [37].

Величины $\Gamma_{\perp}^D$ и Γ_i^D зависят от коэффициента диффузии D , значение которого, вообще говоря, не определено. Для оценок мы используем классический результат для цепочки:

$$\frac{D}{a_{\parallel}^2} = J \sqrt{\frac{2}{3} \pi S(S+1)},$$

который, видимо, дает нижнюю границу D [36]. Учитывая, что $G_0 \approx (J\pi^2)^{-1}$ [42], при $T = 300$ К имеем $\Gamma_i^D \sim 0.1$ К и $\Gamma_{\perp}^D \sim 1.7$ К. Сравнительная малость этих величин в значительной мере обусловлена малым множителем $(T G_0)^{2/3} \approx 0.1$. Отметим, что соотношение $\Gamma_{\perp}^D \ll T < J$ обеспечивает существование области $Dq_{\parallel}^2 \gg \Gamma_{\perp}^D$ и выполнение неравенства $\omega/T \ll 1$ (для $\omega \sim \Gamma_{\perp}^D$). Оба эти условия использовались при определении $\Gamma_{\perp}^D$.

Рассмотрим вклад в Γ от спионных возбуждений, появляющихся при $T < J$. Судя по данным рассеяния нейтронов [40], спионная функция Грина, полученная в области $T \ll J$, сравнительно хорошо описывает эти моды в нашем случае $T/J \approx 3/8$. Для определения Γ^{sp} с точностью до численного множителя достаточно использовать скейлинговое представление для этой функции [34]:

$$G(\tilde{q}_{\parallel}, \omega) = \frac{A}{T} \Phi\left(\frac{C\tilde{q}_{\parallel}}{T}, \frac{\omega}{T}\right), \quad (14)$$

где $\tilde{q}_{\parallel} = q_{\parallel} - \pi/a_{\parallel}$, $C = J\pi/2a_{\parallel}$ — скорость спионов, $A = 0.33$ с точностью до логарифмического фактора и $\Phi(0, 0) = 1$. Подставив данное выражение в формулу (6) и взяв $J_i^{an}(q)$ при $q = \pi/a_{\parallel}$, с помощью размерной оценки находим $\Gamma_i^{sp} \propto T^{-1}$. Этот результат верен, если интеграл в (6) не является сингулярным в области малых $q_{\parallel}$ и x и не расходится при $Cq_{\parallel} \gg T$, $x \gg T$. Используя явный вид функции G [39], можно убедиться в выполнении этих условий и найти численный множитель. Учитывая, что $|J_i^{an}(\pi/a_{\parallel})| = |J_i^{an}(0)|$, получаем

$$\Gamma_i^{sp} \approx [J_i^{an}(0)]^2 / T. \quad (15)$$

Здесь численный множитель с хорошей точностью равен единице, поскольку $(A\pi)^2 \approx 1$, где π^2 — множитель от $G_0^{-1} \approx J\pi^2$, и остающийся интеграл близок к единице.

Теория возмущений определенно применима в данном случае, поскольку Γ_i^{sp} определяется тепловыми спинонами с $\omega \sim T$, $C\tilde{q}_{\parallel} \sim T$ и $\Gamma_i^{sp}/T \ll 1$.

Рассмотрим влияние спионов на поперечные моды, которые, как мы видели, важны при определении Γ_i^D . Используя теорию возмущений по V , аналогично вычислению Γ_i^{sp} и $\Gamma_{\perp}^D$ находим

$$\Gamma_{\perp}^{sp}(\mathbf{q}_{\perp}) \approx \sum_{\mathbf{p}_{\perp}} [V(\mathbf{q}_{\perp} - \mathbf{p}_{\perp}) - V(\mathbf{p}_{\perp})]^2 T^{-1}. \quad (16)$$

Неравенство $\Gamma_{\perp}^{sp}(\mathbf{q}_{\perp})/T \leq (V/T)^2 \ll 1$ оправдывает подход теории возмущений при $T = 300$ К. Оценивая величину $\Gamma_{\perp}^{sp}(\mathbf{q}_{\perp})$ при $q_{\perp} a_{\perp} \sim 1$, определяющую Γ_i^D в выражении (10), находим $\Gamma_{\perp}^{sp} \sim V^2/T \approx 5$ К при $T = 300$ К. Поскольку $\Gamma_{\perp}^{sp} \sim \Gamma_{\perp}^D$, спионный вклад не меняет порядок величины полученной выше оценки для Γ_i^D .

Отметим, что процедура расщепления четырехспионного коррелятора на две спионные моды, использовавшаяся при определении Γ_i^{sp} и $\Gamma_{\perp}^{sp}$, исчерпывает спионный вклад в эти величины, так как спионы являются свободными. Учитывая, что $\Gamma_i^{sp} \sim 0.33$ К, окончательно имеем

$$\Gamma_i = \Gamma_i^D + \Gamma_i^{sp} \sim 3.5 \text{ кЭ}. \quad (17)$$

Здесь оценка по порядку величины возникает главным образом из-за диффузионного вклада, в определении которого был учтен простейший диффузионный процесс. При условии $(V/T)^2 \ll 1$ только этот член явно зависит от взаимодействия цепочек, которое не конкретизировалось выше. В соединении CuO , относящемся к моноклинной системе, эти связи носят более сложный характер [5] по сравнению со взаимодействием в простой тетрагональной магнитной решетке. Поскольку мы не претендуем на точную количественную оценку Γ^D , важно только, чтобы взаимодействия между цепочками не отличались сильно по величине. Это условие в CuO выполнено, так как согласно нейтронным данным, относящимся к спектру магнонов, взаимодействия цепочек в двух взаимноперпендикулярных направлениях в плоскости ортогональной цепочкам составляют 5 и 3 мэВ [6]. Наконец, мы не учитывали влияния межцепочечных связей на статическую подрешеточную функцию Грина, которое приводит к трехмерному критическому поведению CuO . Как отмечалось выше, соответствующие трехмерные эффекты начинают сказываться ниже $T = 250$ К.

Полученная оценка $\Gamma \sim 3.5$ кЭ близка к экспериментальному значению $\Gamma = 5-7$ кЭ. Имеющееся различие, кроме отмеченной выше причины, может быть связано с некоторой неопределенностью обменной анизотропии, точное значение которой вдоль разных осей неизвестно. Остановимся на этом вопросе подробнее. Зная Γ_i и используя пропорциональность $\Gamma_i \propto (J_i^{an}(0))^2$, можно определить соотношения между $J_i(0)$, которые, однако, не согласуются с неравенством $J_b(0) > J_{a,c}(0)$, имеющем место в силу того, что ось $\mathbf{b}$ в CuO является легкой осью в коллинеарной фазе [4]. Данное несоответствие можно связать с тем обстоятельством, что кристаллографические оси $\mathbf{a}$ и $\mathbf{c}$ не совпадают с главными осями тензора $\hat{J}$ и, следовательно, $\hat{\chi}(\omega)$. В этом случае выражение для измеряемого отклика в поле $\mathbf{H}$, направленном вдоль осей $\mathbf{a}$ и $\mathbf{c}$, включает в себя все три Γ_i и оказывается более сложным, чем результат (4), который нельзя использовать для определения Γ_i в этой геометрии. В то же время ось $\mathbf{b}$ как ось второго порядка моноклинной системы обязана совпадать с одной из главных осей тензора $\hat{\chi}(\omega)$ [23]. Соответственно, при $\mathbf{H} \parallel \mathbf{b}$ формула (4) для отклика оказывается справедливой.

В пользу сформулированного предположения свидетельствует ориентация плоскости геликоида в несоизмеримой фазе, которая проходит через ось $\mathbf{b}$ и составляет угол 28° с осью $\mathbf{a}$ [5]. Поскольку за эту ориентацию отвечает анизотропия обмена, можно заключить, что две оси тензора $\hat{J}$ хотя и лежат в плоскости $(\mathbf{a}, \mathbf{c})$, но не совпадают с осями $\mathbf{a}$ и $\mathbf{c}$.

Таким образом, точные значения скоростей спиновой релаксации и g -факторов в CuO , следующие из спектров ЭПР для $\mathbf{H} \parallel \mathbf{b}$, составляют

$$(\Gamma_a + \Gamma_c)/2 \approx 5 \pm 1.5 \text{ кЭ}, \quad g_b = 1.85 \pm 0.16.$$

Перейдем к результатам для образцов с замещением Cu на Zn и Li . Введение цинка сравнительно слабо влияет на спектры. Так, величина $(\Gamma_a + \Gamma_c)/2 \approx 5 \text{ кЭ}$ просто совпадает с результатом для CuO . Это естественным образом интерпретируется в рамках обычного магнитного разбавления. Наиболее существенное влияние магнитного разбавления на ширину линии связан с ограничением одномерной диффузионной длины величиной порядка среднего расстояния между примесями в цепочке. Однако, как нетрудно убедиться, в нашем случае концентрация цинка (1.5%) слишком мала, чтобы это ограничение могло сказаться на Γ^D при выбранном значении D .

Значительное уширение спектров в допированном литием кристалле обусловлено появлением избыточных дырок, сильно возмущающих магнитную подсистему. На сильную связь дырок со спиновой системой указывает примерно двукратное изменение активационной энергии в зависимости проводимости от температуры при переходе в магнитоупорядоченное состояние в чистом CuO и в CuO , допированном литием [3]. Отметим, что увеличение проводимости примерно на два порядка в образцах с Li при $T = 300 \text{ К}$ по сравнению с CuO не приводит к изменению ее характера. Проводимость CuO удовлетворительно описывается теорией полярона малого радиуса с некогерентными перескоками при $T = 300 \text{ К}$ [2]. При этом время жизни дырки в локализованном состоянии $\tau_h \approx 10^{-10} \text{ с}$ при $T \approx 300 \text{ К}$ примерно совпадает с обратной резонансной частотой f^{-1} . Если предположить, что дырки, локализуясь в кластере CuO_4 , образуют синглет Занга–Райса и тем самым выводят спин матрицы из резонанса, то перескоки дырки с частотой $\tau_h^{-1} \approx f$ могли бы приводить к уширению линии на величину порядка ее самой. Однако такой простой механизм уширения при сильной локализации дырок может реализоваться при концентрации дырок, соизмеримой с числом атомов меди матрицы. Данное соображение, по-видимому, позволяет исключить такое влияние подвижности дырок на ширину линии.

Следует подчеркнуть, что подвижность дырок носит трехмерный характер, о чем свидетельствует слабая анизотропия проводимости CuO [2]. Поэтому в CuO , допированном литием, нет оснований ожидать сильной модификации квазиодномерных спиновых возбуждений подвижными дырками, которая могла бы иметь место в случае, когда дырочный перенос происходил бы в основном вдоль цепочек.

Учитывая также сравнительно большое время, проводимое дырками в связанном состоянии, более реалистичным представляется сценарий, когда движение дырок не является определяющим фактором уширения. Можно ожидать, что дырки образуют обменно-связанный комплекс с несколькими спинами меди, например с четырьмя ионами меди в элементарной ячейке. Богатый спиновый спектр комплекса и сильная связь с фононами могут обеспечить достаточно высокую скорость его спин-решеточной релаксации, заметно превосходящую скорость спиновой релаксации матрицы. Полагая, что комплекс слабо связан со спинами матрицы и имеет восприимчивость χ_{hc} , существенно большую, чем восприимчивость матрицы $\chi \propto (J\pi^2)^{-1}$, можно получить уширение линии в допированном CuO , соизмеримое с $\Delta H_{1/2}$ в CuO . Пусть, например, расстояние между двумя нижними уровнями комплекса $\Delta E \simeq 300 \text{ К} \approx J/3$, тогда $\chi_{hc} \sim 3(g\mu)^2/J$ и $x\chi_{hc}/\chi \sim 3\pi^2 x \approx 1/3$, где $x \approx 10^{-2}$ — относительная концентрация лития (избыточных дырок). Если скорость спиновой релаксации комплексов $\Gamma_{hc} \sim (3-5)\Gamma$, то их вклад в ширину будет близок к $\Delta H_{1/2}$ матрицы. Ясно, что в этом случае допирование должно приводить к увеличению статической восприимчивости системы ниже температуры локализации дырок $T \approx 70 \text{ К}$ [14]. К сожалению, данные для χ допированного литием оксида меди [15] не позволяют определить, происходит ли это увеличение на уровне 30%, из-за достаточно большого диамагнитного вклада в восприимчивость ионных остовов. Подвижность дырок в такой модели просто ограничивает время жизни комплексов величиной τ_h и не является принципиальной, если $\tau_h^c \geq \Gamma_{hc}^{-1}$.

Влияние допирования на магнитную систему не сводится только к описанному выше эффекту. Как известно, в слабодопированных двумерных купратах введение дырок ограничивает двумерную корреляционную длину спиновых флуктуаций выше T_N . Наиболее полно этот эффект изучен в La_2CuO_4 для различных допирующих элементов, включая Li [16]. Определенная универсальность его зависимости от концентрации допанта, наблюдаемая в окрестности T_N , связывается с образованием коллективной дырочной структуры. Ясно, что в CuO допирование литием также ограничит рост одномерных спиновых флуктуаций, что должно сказаться на критическом увеличении скорости спиновой релаксации вблизи T_N . В связи с этим предполагается провести эксперименты по сравнительному анализу ширин линий ЭПР в чистом CuO и CuO , допированном литием, в окрестности T_N .

Что касается результатов, связанных с эффектом Холла на исследуемых кристаллах, их анализ

не являлся задачей работы. Отметим только, что «дырочный» знак холловского сигнала соответствует знаку носителей (для электронной проводимости в материале резонатора он положителен).

Авторы признательны В. А. Соловьеву за помощь в проведении экспериментов. Работа была поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 97-02-17097).

ЛИТЕРАТУРА

1. W. Brening, Phys. Rep. **251**, 153 (1995).
2. А. А. Самохвалов, Н. А. Виглин, Б. А. Гижевский и др., ЖЭТФ **103**, 951 (1993).
3. Б. А. Гижевский, А. А. Самохвалов, Н. М. Чеботаев и др., СФТХ **4**, 827 (1991).
4. J. B. Forsyth, P. J. Brown, and B. M. Wanklyn, J. Phys. C **21**, 2917 (1988).
5. M. Ain, A. Menelle, B. M. Wanklyn, and E. F. Bertaut, J. Phys.: Cond. Matter **4**, 5327 (1992).
6. M. Ain, W. Reichardt, B. Hennion, G. Pery, and B. M. Wanklyn, Physica C **162-164**, 1279 (1989).
7. M. O'Keeffe and F. S. Stone, J. Phys. Chem. Sol. **23**, 261 (1962).
8. Т. И. Арбузова, А. А. Самохвалов, И. В. Смоляк et al., J. Magn. Magn. Mat. **95**, 168 (1991).
9. T. Chattopadhyay, G. J. McIntyre, P. J. Brown et al., Physica C **170**, 371 (1990).
10. K. Kindo, M. Honda, T. Kohashi, and M. Date, J. Phys. Soc. Jap. **59**, 2332 (1990).
11. F. Mehran, Phys. Rev. B **46**, 5640 (1992).
12. A. V. Lazuta, Physica C **181**, 127 (1991).
13. P. Simon, J. M. Bassat, S. B. Oseroff et al., Phys. Rev. B **48**, 4216 (1993).
14. P. Carretta, M. Corti, and A. Rigamonti, Phys. Rev. B **48**, 3433 (1993).
15. Т. И. Арбузова, И. В. Смоляк, С. В. Наумов, А. А. Самохвалов, ФТТ **40**, 1876 (1998).
16. P. J. Suh, P. C. Hammel, Y. Yoshinari et al., Phys. Rev. Lett. **81**, 2791 (1998).
17. M. Corti, A. Rigamonti, F. Tabak et al., Phys. Rev. B **52**, 7334 (1995).
18. В. А. Рыжов, Е. И. Завацкий, В. А. Соловьев и др., ЖТФ **65**, 133 (1995).
19. В. В. Исаев-Иванов, В. Н. Фомичев, ПТЭ № 3, 172 (1976).
20. G. Feher, Bell System Techn. J. **36**, 449 (1957).
21. Ч. Пул, *Техника ЭПР-спектроскопии*, Мир, Москва (1970).
22. A. G. Redfield, J. Appl. Phys. **25**, 1021 (1954).
23. Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц, *Электродинамика сплошных сред*, Наука, Москва, (1992), с. 305 и § 99.
24. C. B. Azzolini, A. Paleari, and G. B. Parravicini, J. Phys.: Cond. Matter **4**, 1359 (1992).
25. D. L. Huber and M. S. Seehra, Phys. Stat. Sol. (b) **74**, 145 (1976).
26. U. Kobler and T. Chattopadhyay, Z. Phys. B **82**, 383 (1991).
27. Т. И. Арбузова, И. В. Смоляк, А. А. Самохвалов и др., ЖЭТФ **113**, 7026 (1998).
28. H. J. Schulz, Phys. Rev. Lett. **77**, 2790 (1996).
29. I. Affleck, in *Fields, Strings and Critical Phenomena*, ed. by E. Brezin and J. Zinn-Justin, North Holland, Amsterdam (1990), p. 563.
30. S. Sachdev, Phys. Rev. B **50**, 13006 (1994).
31. B. N. Narozhny, Phys. Rev. B **54**, 3311 (1996).
32. X. Zotos, Phys. Rev. Lett. **82**, 1764 (1999).
33. M. Bohm, V. S. Viswanath, J. Stolze, and G. Muller, Phys. Rev. B **49**, 15669 (1994).
34. O. A. Starykh, A. N. Sandvik, and R. R. P. Singh, Phys. Rev. B **55**, 14953 (1997).
35. K. Fabricius and B. M. McCoy, Phys. Rev. B **57**, 8340 (1998).
36. M. Takigawa, N. Motoyama, H. Fisaki, and S. Uchida, Phys. Rev. Lett. **76**, 4612 (1996).
37. Т.-P. Boucher, M. A. Bakheit, M. Nechtschein et al., Phys. Rev. B **13**, 4098 (1976).
38. M. Takigawa, T. Asano, Y. Ajiro et al., Phys. Rev. Lett. **76**, 2173 (1996).
39. H. J. Schulz, Phys. Rev. B **34**, 6372 (1986).
40. D. A. Tennat, T. G. Perring, P. A. Cowley, and S. E. Nagler, Phys. Rev. Lett. **70**, 4003 (1993).
41. С. В. Малеев, ЖЭТФ **66**, 1809 (1974).
42. S. Eggert, I. Affleck, and M. Takahashi, Phys. Rev. Lett. **73**, 332 (1994).